

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ВОПРОСЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЯЗЫКОВ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

том X

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

В. В. Решетов

УЗБЕКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Узбеки относятся к тем тюркоязычным народам, которые имеют богатую литературную традицию. Письменные памятники, созданные узбекским народом, насчитывают не одно столетие.

Господство литературы на арабском языке в VII—VIII вв., сосуществование арабского и среднеазиатского-персидского (таджикского) языков в литературе IX—X вв. не могли, естественно, не отразиться на становлении и развитии письменного древнеузбекского языка караханидской эпохи.

Особую ценность и для истории узбекского народа и для истории узбекского языка представляют письменные памятники, созданные в XI—XIV вв.¹ В начале этого периода (XI в.) в состав караханидов на территорию современного Узбекистана проникают «большие массы тюрок: карлуков, ягма, чигилей и других»². Караханиды не представляли собой монолитной единицы ни в языковом, ни в этническом отношении. Это был конгломерат тюркских племен, главную роль среди которых играли карлуки и чигили. Последние находились в тесном контакте с населением Ферганы домонгольского периода. Представители этого племени занимали господствующее положение в Фергане VIII в. Однако важная роль в караханидском союзе племен принадлежала также уйгурам. Карлуки и уйгуры, являясь наиболее многочисленными и могущественными, представляли ту силу, на которой держался караханидский союз и вокруг которой объединялись различные тюркоязычные племена.]

В таких условиях происходило формирование языковой общности, легшей в основу языка узбекской народности.

Многие произведения этого периода, напр. «Кутадгу-билик» ('Мудрость, делающая счастливым'), классический труд Махмуда Кашгарского «Диван-лугат-ат-турк» ('Собрание тюркских языков'), хронологически относящиеся к XI в., а также и другие письменные памятники,

---

¹ А. К. Б о р о в к о в. Из материалов для истории узбекского языка. — «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951, стр. 73—79.

² А. Ю. Я к у б о в с к и й. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. — Сб. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 76.

дошедшие до нас, проливают яркий свет на историческое прошлое узбекского народа и представляют собой исключительные по своей значимости источники для истории и диалектологии узбекского языка старшего периода³.

Для периодизации исторического развития узбекского литературного языка, для установления его взаимоотношений с диалектами самого узбекского языка, с родственными тюркскими языками, прежде всего с уйгурским, а также и с неродственными языками, такими, как например, таджикский, арабский и другие, большое значение имеет изучение староузбекского литературного языка, неверно называвшегося «чагатайским»⁴. Становление литературного староузбекского языка относится к XIV—XV вв.

XV и смежные с ним века характеризуются в культурной жизни узбекского народа усиленным движением за применение родного языка в литературе. На нем создается в этот период богатейшая художественная

³ Однако эти ценнейшие памятники, особенно «Диван» Махмуда Кашгарского, недостаточно исследованы и изучены в плане исторической лексикологии и исторической грамматики. См. С. М у т а л и б о в. XI аср ёзма ёдгарликлариди феъл катэгорияси. Тошкент, 1955. См. А. К. Б о р о в к о в. Очерки по истории узбекского языка. (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви). — «Советское востоковедение», т. V, М.—Л., 1948.

⁴ Термин «чагатайский» применительно к узбекскому языку не может быть принят, несмотря на его условное употребление. Ни монгольская культура, ни монгольский язык эпохи чингизидов не оставили сколько-нибудь значительного следа в культуре и языке населения Мавераннахра. В нашем распоряжении нет достаточно убедительных доказательств, чтобы называть именем монгольской династии чагатаидов язык, сложившийся задолго до прихода ее в Мавераннахр. Такое отождествление дает формальный повод считать родиной современных узбеков Монголию, а их предками монголов, явившихся на территорию нынешнего Узбекистана с чагатаидами, что в корне неверно и идет вразрез с фактами истории. Но, несмотря на явную несостоятельность, термин «чагатайский» получил широкое распространение и применялся к староузбекскому языку XII—XIII вв., а позднее и к современному (Ср. Н. V a m b e г у. *Čagataische Sprachstudien*. Leipzig, 1867, стр. 1, 2, 4, 5), что в свою очередь дало повод называть чагатайскими городские узбекские говоры, утратившие гармонию гласных. Само же население не называло свой язык чагатайским. Абуль-Гази под «чагатай туркиси» не подразумевал живые народные говоры узбекского языка (см. *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Béhadour khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons*, t. I Texte. St.-Pb., 1871, стр. 37; t. II. Traduction, St.-Pb., 1874, стр. 36. См. также: «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана». Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, [на обл. 1914], стр. 33). Мухаммед Салих также не отождествлял понятия «чагатайский» и «узбекский» (см. Мухаммед Салих. «Шейбани-намэ». Изд. П. М. Мелиоранского. СПб., 1908, стр. 75, 211). Из 18 монгольских родоплеменных наименований, известных нам на территории Узбекистана (материалы переписи 1926 г.) только один род носил собирательное название «чагатай» и составил здесь, видимо, из осколков отдельных родов. А когда на месте агрессивной военно-феодальной династии чагатаидов возникла политически независимая власть Тимура, многие писатели и поэты — Саккики, Атаи, Лутфи, а затем и Навои, — писавшие на староузбекском языке, называют свой родной язык не «чагатайским», а «тюркiй».

литература, значительная часть которой ждет своего исследователя. В защиту родного языка в письменной литературе выступает величайший поэт мирового масштаба Алишер Навои, доказавший в «Мухакамат-ул-Лугатайн» ('Тяжба двух языков')⁵ наличие в староузбекском языке необходимых средств (богатство лексико-грамматических средств и гибкость языка) для широкого его использования во всех жанрах письменности. Сложный процесс, происходивший в истории развития двух литературных языков «среднеазиатско-персидского» (таджикского) и тюркского (узбекского) нашел всестороннее по тому времени освещение, как о том свидетельствует и само название, в этом замечательном филологическом труде основоположника староузбекского литературного языка. Узбекско-таджикские языковые связи, начинавшиеся задолго до Алишера Навои, имели дальнейшее развитие. Сфера этих связей не ограничивалась письменным языком.

Тюркология не располагает достаточными данными о реальной связи письменного языка с живыми народными говорами XV и смежных с ним веков. В специальной литературе мы находим либо попутные замечания, либо косвенные соображения по этому поводу, поскольку язык отдельных поэтов и писателей этого периода только вскользь затронут исследователями.

Данные о звуковом составе староузбекского языка находим в трудах некоторых тюркологов. К. К. Юдахин, исследовав туйуги с игрой рифм, с таджнисом, пришел в выводу, «что важнейшие чагатайские поэты были представителями говоров не-сингармонистических, в которых насчитывалось только шесть гласных»⁶. К. К. Юдахин первым из тюркологов, основываясь на анализе фактического материала, высказал свою точку зрения по этому важному вопросу вполне определенно.

Против приемов восстановления системы гласных в староузбекском языке, изложенных в указанной статье К. К. Юдахина, возразил А. К. Боровков⁷. Однако, анализируя конкретные языковые факты, позволяющие «судить с большей или меньшей вероятностью о звуковой стороне языка Алишера Навои с его собственных слов», А. К. Боровков приходит примерно к аналогичному выводу, а именно, он считает, что диалектную основу языка Алишера Навои можно отнести «к промежуточным говорам, утратившим принципиально сингармонистический уклад, но сохранившим элементы различения гласных *o || ö* и *u || ü*»⁸.

⁵ Алишер Навои. Мухакамат-ул-Лугатайн. Ташкент, 1940. (На латинизированном узбекском алфавите). См. также А. Усманов. «Мухакамат-ал-Лугатайн» Алишера Навои в аспекте его борьбы за узбекский язык и узбекскую литературу. Ташкент, 1948.

⁶ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка — Журн. «Культура и письменность Востока», кн. IV. Баку, 1929, стр. 67.

⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — Сб. «Алишер Навои». М., 1946, стр. 104, 105.

⁸ Там же, стр. 106, 107.

Как видим, мнения исследователей, в основном, не расходятся по вопросу о принадлежности диалектной базы языка Навои к не-сингармонистическим узбекским говорам. Нет принципиальных расхождений и по вопросу о территориальной принадлежности этой диалектной основы: «... состав гласных в чагатайском, — пишет К. К. Юдахин, — вполне совпадает с составом гласных некоторых иранизованных (утративших сингармонизм) узбекских говоров Ферганского округа, где, мне кажется, и следует искать ответа на многие вопросы чагатайки»⁹. Такая же мысль высказана и А. К. Боровковым¹⁰.

Эти выводы не противоречат указаниям младшего современника Навои, Бабур, который в своем прозаическом произведении «Бабурнамэ» обращает наше внимание на то, что язык Навои в основе своей, якобы, отражал андижанский говор. Бабур определяет это выражением: «қалам била рост». Кстати, В. В. Бартольд говорит «... эти слова должны быть поняты в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили «правильно»¹¹, т. е. близко к литературному языку».

По всей вероятности, андижанский говор уже в эпоху Бабур не был строго сингармонистическим, как и говоры некоторых других городов Ферганы, например, Маргелана¹², но сохранял контрастирующие пары в ряду губных гласных верхнего и верхне-среднего подъемов, прослеживаемые и сейчас в андижанской группе узбекских говоров. Допустить же последующее увеличение числа гласных фонем довольно трудно, учитывая в качестве общей тенденции десингармонизационный процесс, начавшийся много веков тому назад в говорах городского типа.

Недостаточно уточнены и лексико-семантические особенности языка произведений этого периода. О том, что письменный язык был малоодступен широким массам, говорит Абуль-Гази в «Шаджараи тюрк» («Родословное древо тюрков»), написание которого относится к XVII в. Автор стремился сделать язык книги общедоступным. Об этом он сам говорит: «И я так выражался по-тюркски, что и пятилетнее дитя поймет; чтобы было ясно, я не примешивал ни одного слова из чагатайско-тюркского, персидского и арабского языков»¹³.

Все известные нам оценки староузбекского языка нуждаются, конечно, в тщательном изучении. Тем не менее, совершенно бесспорным является то, что решение актуальных вопросов узбекского языка, определение

⁹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка, стр. 67.

¹⁰ А. К. Боровков. Там же, стр. 107.

¹¹ В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. — Сб. «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 106.

¹² См. В. В. Решетов. Маргеланский говор узбекского языка. — «Известия УзФАН СССР», № 3. Ташкент, 1941; е г о ж е. Некоторые замечания к консонантизму и морфологии маргеланского говора узбекского языка. — «Известия УзФАН СССР», № 4. Ташкент, 1941.

¹³ Ср. Изд. Демезона, т. I, стр. 37; т. II, стр. 36. Перевод Г. С. Саблукова, стр. 33.

источников, питающих его, теснейшим образом связано с изучением ферганской группы говоров, которые играли немаловажную роль в истории узбекского письменного языка.

Трудно допустить, что письменный язык XV и смежных с ним веков, отличаясь «высоким стилем», был доступен широким массам, но нельзя и не признать, что в основе его лежал народный язык, отягощенный под влиянием литературной традиции чуждой лексикой. Лексические заимствования из арабского и таджикского языков многочисленны. Значительная часть этой лексики оставалась в пределах письменного языка. Живые народные говоры осваивали только то, что было жизненно необходимо. Следы этого мы находим и в современном узбекском языке.

Более устойчивым был и остается грамматический строй языка. Анализ падежных форм староузбекского языка по письменным памятникам XV в. свидетельствует о значительном сходстве с падежными формами современного узбекского языка. Совпадение наблюдается не только в функциях самих падежей, но и в звуковом их составе, кроме фонетического варианта исходного падежа на *-дин*, генетически связанного с уйгурской письменной традицией и характерного для письменного староузбекского языка ¹⁴.

Не может считаться случайной конвергенция аффиксов притяжательного (*-нинг*) и винительного (*-ни*) падежей, прослеживаемая в современных узбекских говорах городского типа (ташкентском, ферганских и др.). Неразличение аффиксов указанных падежей приводит к тому, что в действительности оказывается один формант *-ни*, выступающий в говорах и в значении притяжательного падежа (*болани қўли* 'рука ребенка') и в значении винительного (*болани қўрдим* 'видел ребенка'). Исследователя в данном случае интересует не формальное совпадение *-нинг* и *-ни* в аффиксе *-ни* характерное для опорных узбекских говоров, положенных в основу современного литературного узбекского языка в качестве письменного и устного стандарта, а историческая перспектива, динамика развития этих форм. В письменном староузбекском языке случаев параллельного употребления притяжательного и винительного падежей довольно много. Это перекликается с современным состоянием падежных форм в говорах городского типа и свидетельствует о связи письменного языка того времени с живыми говорами ¹⁵.

Известно, что в письменном староузбекском языке нередки случаи совпадения местного (*-да*) и дательного-направительного (*-га*), местного (*-да*)

¹⁴ Некоторые народные узбекские говоры, например, карабулакский, сохраняет эту форму исходного падежа: *тағдын*, *аттын*, *тепэдин*, *иттин* от *тағ* 'гора', *ат* 'лошадь' *тепэ* 'холм', *ит* 'собака'. (См. К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. — Сб. «Узбек диалектологиясида материаллар», вып. 1, Ташкент, 1957, стр. 35). Есть основания думать, что в недалеком прошлом эта форма была разговорной и в ташкентском говоре.

¹⁵ В. В. Решетов. Об одном узбекском падеже. — «Тюркологический сборник», т. I. М.—Л., 1951, стр. 176—183.

и исходного (-дан) падежей. Смешение местного и дательного-направительного падежей наблюдается сейчас в самаркандско-бухарской группе говоров, где явно преобладает билингвизм. Явление это обычно объяснялось односторонним влиянием таджикского языка. Между тем, другие узбекские говоры, исторически также связанные с таджикским языком, проводят строгую дифференциацию этих падежей.

Случаи параллельного употребления местного и дательного-направительного падежей в узбекском языке XV в. свидетельствуют о том, что в говорах, нашедших отражение в письменных памятниках узбекского языка, существовал один падеж, совмещавший в себе функции указанных падежей. Не исключено и действие субстрата, сила которого, несомненно, постепенно ослабевала в связи с непрекращавшимся притоком тюркских родо-племенных групп и подразделений, повсеместно оседавших на древней территории современного нам Узбекистана. Такое решение вопроса было бы приемлемым, если бы мы не имели случая конвергенции этих падежей в кумыкском языке.

На протяжении XV—XX вв. произошли некоторые изменения и в структуре узбекского глагола.

В староузбекском языке XV в., как, впрочем, и в более ранний период его развития, глаголы страдательно-возвратного залога с аффиксами *-н* и *-л* представляли недифференцируемую грамматическую категорию, в чем убеждает нас сравнение употребления этих форм в письменных памятниках (в словаре Махмуда Кашгарского, в тафсире, в произведениях Навои, Бабура и др. писателей) с фактами современного узбекского языка. В языке писателей XV и смежных с ним веков глаголы страдательно-возвратного залога являлись переходными и управляли прямым объектом в винительном падеже, что sporadически прослеживается и в современном узбекском языке. Например: *бу сўзни қулланди* 'это слово было употреблено'; *ошни ейилди, чой ичилгани йўқ* 'обед съеден, но чай еще не пили'; *бу хатни ёзилди* 'это письмо было написано' и т. п. Такое употребление страдательно-возвратного залога не является случайным в языке, а тем более ошибочным, как склонны считать некоторые исследователи¹⁶. Наличие этих конструкций (сочетания страдательно-возвратного залога с прямым объектом в винительном падеже) в современном узбекском языке исторически обусловлено.

Нельзя не отметить и развитие спрягаемых форм в современном узбекском языке, но в историческом плане они совершенно не изучены. Современные формы настоящего времени данного момента типа *кеялман/ташк. кевэзмэн > кевэмэн/наманг. келуттимэн/самарк. келэман* 'я прихожу' и т. п.¹⁷ в письменных произведениях староузбекского

¹⁶ А. С. Фердаус. Категория залога в узбекском языке. Автореферат, Ташкент, 1953, стр. 6.

¹⁷ В. В. Решетов. О категории настоящего времени в узбекском языке. — «ДАН УзССР», № 5, Ташкент, 1948.

языка не встречаются. В связи с этим может быть высказано двоякое предположение: либо эти глагольные формы, являющиеся нормой для современного узбекского языка, были в живых узбекских говорах XV в., но не нашли отражения в письменном узбекском языке того времени, либо появление их в языке следует отнести к более позднему времени.

Строй староузбекского языка XV—XIX вв. изучен еще недостаточно. Не вскрыты изменения, происходившие в грамматической системе на разных этапах развития языка. Наиболее интенсивные изменения происходили в лексике, но внимание исследователей узбекского языка этого периода не было сосредоточено на выявлении лексических особенностей в аспекте пополнения лексической системы узбекского языка.

Если для письменного староузбекского языка XIV и следующих веков в значительной степени показателен отрыв от реальной действительности, характерны витиеватость стиля, игра слов (*санай'и лафзия*), нагромождение метафорических оборотов, синонимия и омонимия, развитие лексики за счет чрезмерного перенасыщения письменного языка иноязычными (главным образом арабскими и таджикскими) словами, то письменный язык позднейшего периода, особенно конца XIX и начала XX в., заметно отстает от этой традиции.

Конец XIX и начало XX в. в истории узбекского литературного языка характеризуется деятельностью значительной плеяды поэтов-демократов — Фурката, Мукими, Завки, Хамзы Хаким-заде Ниязи. Отображая реальную действительность, чаяния узбекского народа, изнывавшего под двойным гнетом (байско-феодальный деспотизм и колониальный произвол царских чиновников), поэты-демократы в своем творчестве постепенно отступают от господствовавшей литературной традиции.

Наряду с сохранением лексики, характерной для письменного языка прошлого, старых форм в морфологии, определенной группы трафаретных выражений, мы находим все более усиливающиеся тенденции демократизации языка и стиля. Архаические слова и выражения постепенно вытесняются и заменяются словами и выражениями, бытующими в живой разговорной речи. Язык поэтов-демократов становится простым, четким при изображении обычных бытовых эпизодов и картин. Ярким примером могут служить стихи Мукими, а особенно Хамзы Хаким-заде Ниязи, в произведения которых широким потоком врывается живая разговорная речь, нередко в родной им ферганской диалектной форме. Таким образом, поэты-демократы Фуркат, Муками, Завки, Хамза Хаким-заде Ниязи, стремясь приблизить язык письменный к языку народному, обогатили письменный узбекский язык.

Литературный язык на ферганской диалектной основе, закрепленный в произведениях Фурката, Муками, Завки, Хамзы Хаким-заде Ниязи до Октябрьской социалистической революции не мог приобрести национального значения, поскольку в тот период в Туркестане не было для этого надлежащих предпосылок. Культурно-экономическая изолированность

отдельных районов, общий низкий экономический уровень и локальный характер производства в ханствах и эмирате не способствовали расширению языковых связей, а также объединению данной территории в отношении устного общения, а приводили к еще большей консервации диалектных черт.

В периодической прессе начала XX в. находим лишь искажение языка, формировавшегося в творчестве упомянутых писателей. Газеты, издававшиеся в различных городах (Ташкенте, Самарканде, Фергане и др.), были насыщены диалектизмами, засорены турецкими языковыми элементами, а также татаризмами (в результате непосредственного участия татарской интеллигенции в оформлении джадидской прессы)¹⁸. Борьба за «общетюркский язык» (*мисони умуми*) исключала правильное решение проблемы единого литературного узбекского языка. Узбекскому языку предлагались несвойственные ему формы, вводилась чуждая ему общественно-политическая терминология. Все это привело к формированию особого жаргона, который старались выдать за литературный язык. Однако жизнь заставила пересмотреть вопрос об узбекском литературном языке, установить из всей совокупности народных говоров источники, питающие его.

Диалектный состав узбекского языка сложен и своеобразен. Отдельные узбекские говоры сохраняют резко выраженные фонетические и лексико-грамматические особенности, нередко не совпадают и территории распространения говоров с одинаковыми лингвистическими показателями. Значительная пестрота в диалектном составе узбекского языка объясняется рядом причин.

Своеобразие диалектной карты узбекского языка объясняется, прежде всего, сложностью этногенетического процесса, в условиях которого происходило формирование узбекского народа. В отдельных говорах и диалектах узбекского языка остались отчетливые следы языкового взаимодействия, имевшего место между представителями различных тюркских родоплеменных групп в различные периоды их совместной жизни.

Своеобразие диалектного состава узбекского языка объясняется также и весьма длительным языковым контактом с нетюркскими этническими элементами. Результаты влияния субстрата отчетливо выявляются не только в области лексики, но и в фонетике, а частично и в грамматическом строе узбекского языка. Сдвиги, происшедшие в типично тюркском вокализме на нетюркском субстрате, привели к постепенному сокращению сингармонизма, а в городских говорах — к полной утрате его и к появлению звуков, не свойственных фонетическим системам тюркских языков. Не без участия привходящих факторов произошла конвергенция переднерядного *y* и заднерядного *y* в одной фонеме *y*; переднерядного *u* и заднерядного *u* в одной фонеме *u*; переднерядного *o* и заднерядного *o* в одной фонеме *o*. В результате вокализм городских говоров ташкентского типа сблизился

¹⁸ См. А. К. Б о р о в к о в. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг. Ташкент, 1940.

с вокализмом таджикского языка, не говоря уже о самаркандско-бухарско-ходжентских говорах, которые, являясь двуязычными, повторяют вокализм таджикского языка. Здесь следует говорить не о сходстве, а о полном почти их «тождестве»¹⁹. В связи с этим Е. Д. Поливанов устанавливал говоры «иранизованные» и «неиранизованные» с рядом подтипов переходного характера, учитывая иноязычную подпочву в истории формирования городских говоров узбекского языка²⁰.

Изучая сложный диалектный комплекс узбекского языка в сравнительно-историческом плане, нетрудно установить определенную сумму лексико-грамматических и фонетических явлений, общих некоторым узбекским говорам и диалектам и территориально смежным тюркским языкам. В одном случае историко-лингвистические данные позволяют делать выводы относительно этнического родства между известной частью узбеков и каракалпаков, узбеков и уйгуров, узбеков и туркмен, а в другом — можно говорить лишь о генеалогических отношениях или генетическом языковом родстве, имея в виду лишь связи по линии некоторых общих языковых показателей, а не кровное антропологическое или этническое родство. Это обстоятельство, т. е. наличие сходных языковых черт между узбекским и территориально смежными языками, дало повод некоторым исследователям выделять в диалектном комплексе узбекского языка говоры «туркменизованные», «казахизованные», «уйгуризованные». Но общие языковые факты не должны рассматриваться как результат позднейшего порядка, т. е. как результат сравнительно позднего влияния указанных языков на отдельные узбекские говоры и диалекты. Такое понимание и решение данного вопроса было бы совершенно неверным. В этом убеждает нас историческая действительность, в условиях которой происходило постепенное формирование конкретных говоров и диалектов узбекского языка.

Наличие родственных связей между отдельными родоплеменными группами, позднее вошедшими в более мощные объединения, непрерывные передвижения народов на территории Средней Азии и Казахстана предопределили сложное этно-лингвистическое развитие и появление диалектной пестроты в составе отдельных национальных коллективов, в первую очередь у узбеков. Здесь мы находим переизлетение языковых связей не только между различными тюркскими родоплеменными группами (давших в результате метисации своеобразный тюркский компонент в диалектном составе узбекского языка), но также и между тюркскими родоплеменными группами и иноязычными элементами, что привело к появлению особых диалектных групп в составе узбекского языкового коллектива, отсутствующих в других тюркских языках.

¹⁹ Е. Д. Поливанов. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка. Вокализм говора гор. Самарканда. — «ДАН СССР», серия В, № 14, 1928, стр. 306.

²⁰ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933; е г о ж е. Материалы по грамматике узбекского языка, вып. I. Введение. Ташкент, 1935.

Если представить схематически в хронологической последовательности проникновение тюркоязычных групп на территорию современного нам Узбекистана, то получим следующую картину, разумеется, самого общего характера.

Наиболее ранними пришельцами являются здесь древнейшие тюркские племена, отмеченные китайскими летописями II в. до н. э. именем кангюй, под которым, как допускают исследователи, скрывалось тюркское племя канглы. Последовательное проникновение карлуков в VIII в., интенсивный приток кыпчаков и огузов в X в., мощная волна тюркоязычных пополнений в караханидскую эпоху (XI в.) в корне изменили соотношение тюркских и нетюркских этнических элементов, вследствие чего изменился и характер языковых связей.

Последним существенным слагаемым в диалектном комплексе узбекского языка явился язык узбеков времен Абул-хайра и Шейбани (XVI в.). Это пополнение имело большое значение в формировании языковой общности, впоследствии легшей в основу национального узбекского языка.

Сложившийся в результате консолидации тюркских родо-племенных групп, оседавших на протяжении длительного времени на территории нынешнего Узбекистана, узбекский национальный коллектив в языковом отношении включает в себя три компонента:

- 1) юго-восточный, куда относится подавляющее большинство узбекских городских говоров, называемых «карлукскими»²¹, современный литературный и старый письменный узбекский язык;
- 2) юго-западный — огузское наречие узбекского языка;
- 3) северо-западный — кыпчакское наречие узбекского языка, представленное многочисленными «джекающими» говорами.

Следовательно, основной (тюркский) ингредиент современного узбекского языка образовался путем объединения трех генетически различных тюркских языковых общностей — кыпчакской, огузской и карлуко-чигиле-уйгурской. Каждая из них продолжает сохранять свои характерные лингвистические особенности, что и дает основание выделять их в особые диалектные единицы при классификации наречий узбекского языка.

Однако правильное понимание процесса образования узбекского литературного языка и его говоров невозможно без учета узбекско-таджикских этнических и языковых связей. Известно, что многовековое сосуществование узбекской и таджикской языковых общностей приводило к глубокому взаимовлиянию этих языков. Следы этого особенно отчетливо видны в лексике и в фонетической системе узбекского языка.

Многие слова, взятые из таджикского языка, составляют неотъемлемую лексическую часть узбекского языка. Постепенная (и в известной последовательности идущая) утрата сингармонизма в результате качественного совпадения контрастирующих пар типично тюркских гласных и появление

²¹ Ср. Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. XI, вып. 2, 1952, стр. 128—130.

в связи с этим своеобразных индифферентных звуков происходили, как указано выше, при участии таджикского языка. Этот процесс, т. е. артикуляционный сдвиг в сторону переднего уклада, наблюдался Махмудом Кашгарским у тех тюркских племен, которые посещали города и находились, таким образом, в тесном контакте с нетюркскими народами.

Длительное взаимодействие узбекской и таджикской языковых систем на разных этапах принимало различные формы — постепенное проникновение определенных элементов одной языковой общности в другую, появление двуязычия (сейчас примером такого двуязычия могут служить говоры самаркандско-бухарского типа) и, наконец, преобладание одной из языковых общностей. Но все это не привело к образованию нового языка, отличного от узбекского и таджикского, как это допускали некоторые исследователи (в дореволюционной историко-лингвистической литературе «сарт тили» — от слова «сарт», — ставшее впоследствии одиозным)²².

Значительные следы в лексике узбекского языка оставил и арабский язык в результате длительного господства арабов в Мавераннахре и распространения ислама. Но арабский язык не оказал влияния на фонетический строй узбекского языка: арабские звуки не были усвоены общенародным узбекским языком, который продолжал сохранять свои специфические языковые особенности, подчиняя арабские слова произносительным нормам родного языка. Процент арабских слов, заимствованных

²² Слово «сарт» имеет древнее происхождение. Оно встречается в письменном памятнике XI в. — «Кутадгу-билик», позднее, в XIII в., у Рашид-ад-дина (Ср.: «Небезынтересно отметить тот факт, что в монгольских летописях термин тазик [современное таджик. — В. Р.] не встречается, ему соответствует термин сартаул — сартагул [сарт], в чем можно найти подтверждение тому, что в XIII в. эти два термина не имели различного этнического значения». Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М., 1952, стр. 67, Подстрочное примечание 1), у Плано Карпини, в поэме Мухаммад Салиха «Шейбани-намэ». Бабур население Маргелана своего времени определяет выражением «эли сарт» (بابر نامه [«Бабер-намэ»]. Изд. Н. И. Ильминского, Казань, 1857, стр. 4). Во времена Бабура под термином «сарт» понималось равнинное таджикское население (см. «Бабер-намэ», стр. 4; В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 80). До революции этот термин оживленно обсуждался, но этимология и время появления его так и остались недостаточно уточненными.

В наше время М. С. Андреев, касаясь узбекско-таджикских языковых связей, утверждает, что «процесс ассимиляции таджиков тюркскими элементами» создал якобы «на огромном пространстве, начиная от Ферганы до Хорезма, особый по языку народ, называвшийся сартами» (см. М. С. Андреев. О таджикском языке настоящего времени. — Сб. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», т. I, Сталинград, 1945, стр. 67). Знарок быта узбекского населения Ферганы В. П. Наливкин со всей категоричностью заявил, что «оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из *узбеков* (или тюрков) и *таджиков*» (В. П. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 15). Вопрос о «сартах» нуждается в тщательном изучении (см. В. В. Решетов. Некоторые вопросы узбекской диалектологии. — Сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке». Ташкент, 1952, стр. 105—108).

узбекским языком, намного превышает процент лексических заимствований из таджикского языка ²³.

Узбекско-таджикские и узбекско-арабские языковые связи нашли глубокое отражение и в живом узбекском языке и особенно в письменной литературной традиции. Этому в значительной степени содействовало длительное господство арабского и таджикского языков в качестве литературных на территории Средней Азии. Однако эти приводящие факторы не разрушили той тюркской языковой основы, которая прослеживается в памятниках письменного языка разных периодов его развития.

Историко-лингвистические данные позволяют предположить, что зарождение ведущего диалекта следует искать в промежутке между IX и XIV вв. ²⁴ Наиболее важным, безусловно, является караханидское движение XI в. с которым связан мощный приток различных тюркских племен и родовых подразделений. Накопление тюркоязычных групп и их консолидация приводили к изменению соотношений тюркских и нетюркских языковых элементов в Мавераннахре, что и предопределило, в свою очередь, в дальнейшем более сложное языковое взаимодействие.

При караханидах заметное развитие получило городское строительство — города возникали при оседании тюркских родоплеменных групп, в них развивались различные виды кустарного производства. В городах кипела оживленная по тому времени торговля с жителями сельских местностей. Не менее оживленная торговля велась со степными кочевниками, доставлявшими городам продукты животноводства.

Все это вместе взятое способствовало расширению языкового общения и привело к формированию элементов городской речи, в известной степени впитавшей в себя языковые черты отдельных тюркских родо-племенных групп, например, огузских, кыпчакских, карлукских, представители которых оседали в городах. Именно здесь и следует искать зачатки того типа тюркской речи, который служил средством устного общения не только в пределах города, но и с представителями кочевой степи. Этот процесс расширения языковых связей между городом, с одной стороны, и сельским населением и кочевой степью, с другой, — удачно был подмечен Махмудом Кашгарским.

В таких условиях формировался основной тюркский компонент языковой общности, впоследствии легшей в основу языка узбекской народности. Являясь результатом сложного взаимодействия генетически род-

---

²³ В этом отношении небезыntenесны подсчеты частоты употребления арабских и таджикских слов в периодической узбекской прессе (см. В. В. Р е ш е т о в. Лексический состав современной узбекской прессы. — Сб. «Проблемы языка», вып. 1. Ташкент, 1934, стр. 44; А. К. Б о р о в к о в. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит на основе русской графики. — «Изв. УзФАН СССР», № 7. Ташкент, 1940, стр. 22; М. М и р з а е в. Советско-интернациональные слова в узбекской периодической прессе [1945—1950]. Автореферат. Ташкент, 1951, стр. 5).

²⁴ А. М. Щ е р б а к. К истории образования узбекского национального языка. — «Вопросы языкознания», № 6, 1954, стр. 107, 108.

ственных тюркских племен с нетюркскими этническими элементами (прежде всего согдийскими и таджикскими), эта языковая общность отразила в себе и некоторые языковые особенности аборигенов страны. Контакт с монгольскими племенами привел к некоторому увеличению монголоидных признаков в антропологическом типе и к проникновению в узбекский язык незначительного количества монгольских лексических элементов. Осевшие монгольские племена (барласы, джалаиры и др.) в короткое время полностью ассимилировались.

Итак, та тюркская языковая общность, основа которой формировалась в караханидский период и которая в модифицированном виде дошла до нас, несомненно была средством языкового общения в широких масштабах.

Своеобразный этногенетический процесс, языковые взаимодействия между родственными и неродственными языками, происходившие на территории современного Узбекистана на протяжении всей истории узбекского народа, привели к образованию сложного диалектного комплекса узбекского языка.

Исторически в процессе формирования языка узбекского народа участвовали три языковые общности, существовавшие, как о том свидетельствуют историко-лингвистические данные о взаимодействии тюркских родо-племенных групп, на территории Средней Азии и Казахстана: 1) кыпчакская, 2) огузская и 3) карлуко-чигиле-уйгурская. Эти диалектные общности и дали в составе узбекского языка соответственно три наречия — кыпчакское, огузское и карлуко-чигиле-уйгурское, продолжающие существовать и сейчас в качестве особых диалектных единиц.

1. Кыпчакское наречие узбекского языка характеризуется рядом признаков. Наиболее существенные из них следующие:

1. Фонетические признаки:

а) наличие контрастирующих пар гласных ($y \sim \gamma$, $o \sim \theta$, $u \sim u$, $a \sim \text{э}$), а в связи с этим и сохранение сингармонизма, т. е. чередований звуков в основах и аффиксах, что свойственно современным казахскому, каракалпакскому, киргизскому и др. тюркским языкам кыпчакской группы;

б) дифтонгизация начальных гласных верхне-среднего подъема u_3 , y_3 , γ_3 ;

в) дифтонгическое сочетание *-ий* в словах *ийт* 'собака', *бийт* 'вошь';

г) отсутствие различия кратких и долгих гласных; в этих говорах имеются долготы вторичной формации, возникающие, как правило, в результате выпадения смежных согласных звуков;

д) переход начального $\dot{y} > дж$, т. е. мы имеем здесь джеканье, а не йеканье: *джол* < *йол* 'дорога', *джаман* < *йаман* (лит.-орф. ёмон) 'плохой';

- е) переход *ɤ > в*: *тағ > тав* 'гора', *ағыз > авуз* 'рот';
 ж) переход *ɤ > й*, *ɛ > й*: *йығын > джыйын* 'сбор', *теғди > тийди* 'он тронул', *сигир > сийир* 'корова';
 з) озвончение *п*, *к*, *қ* в интервокальной позиции: *қап—каби* 'мешок'—'его мешок', *эж—эжил* 'сей'—'посеяв', *чық—чығып* 'выйди'—'выйдя';
 и) падение конечных *к*, *қ*: *сарық > сары* 'желтый', *кичик > кичи* 'маленький';
 к) появление начального *ҳ*: *айван > ҳайван* 'терраса'.

2. Морфологические признаки:

- а) чередование *-н(-д)-т* в аффиксах притяжательного (*-нинг/-нинг*, *-дың/-динг*, *-тынг/-тинг*) и винительного (*-ны/-ни*, *-ды/-ди*, *-ты/-ти*) падежей;
 б) конструкция дательного падежа от личных местоимений типа: *маған, саған, уған*;
 в) настоящее время данного момента на *-жатыр*; *баражатыр* 'он в данный момент идет';
 г) причастие настоящего-будущего времени на *-тыган*: *келәтыган* 'приходящий' (казахск.: *келетин*).

Кыпчакское наречие узбекского языка охватывает представителей различных тюркских родо-племенных групп. Среди них мы находим роды: кыпчак, найман, минг, джуз (юз), кырк, джалаир, кенегес, конграт, катаган, канли, митан, лакай, уймун, каракалпак, тама, кышлык, онгут, кыят, дорман, аргын, уйгур, монгул и многие другие.

Значительно и территориальное распространение говоров кыпчакского наречия. Достаточно сказать, что нет ни одной области в Узбекистане, где бы не было носителей этого наречия. В Ташкентской области они населяют долину реки Ангрэн; в Мирзачуле, в Самаркандской, в Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях представители этого наречия составляют большой процент, имеются они и в других областях, например, в Ферганской и Наманганской.

Говоры кыпчакского наречия узбекского языка есть на территории Казахстана, Киргизии, Таджикистана. За пределами Советского Союза мы находим их в северной части Афганистана, куда переселился в свое время род катаган из-под Ташкента.

Кыпчакские говоры узбекского языка представляют значительный интерес не только для диалектолога, но и для фольклориста. Богатое устное народное творчество, особенно героический эпос, передаваемый из поколения в поколение, является национальной гордостью узбекского народа. Изучение жизни и творчества узбекских народных сказителей, преобладающая часть которых — кыпчаки, требует, в свою очередь, всестороннего изучения характерных языковых особенностей, поскольку фонетические и лексико-грамматические особенности этого наречия значительно отличаются от норм литературного узбекского языка.

II. Огузское наречие узбекского языка представлено рядом говоров. Наиболее существенными отличительными признаками этого наречия являются:

- а) наличие контрастирующих пар гласных, как и в кыпчакских говорах узбекского языка;
- б) различие кратких и долгих гласных, т. е. сохранение древнетюркской формации долгот, наличной, например, в туркменском языке, ср.: *ат* 'лошадь' — *а* : *д* 'имя'; *от* 'трава' — *о* : *т* 'огонь';
- в) озвончение начальных *т* и *к*: *дил* 'язык', *г'эл* 'приходи';
- г) максимально смягченные *к—к'*, *г—г'*;
- д) аффикс притяжательного падежа *-ынг/-инг*;
- е) аффикс дательного-направительного падежа *-а/-е*;
- ж) падение начального *б* в глаголе *бол* > *ол* 'быть' и ряд других фонетических и лексико-грамматических признаков.

III. Карлуко-чигиле-уйгурское наречие узбекского языка охватывает городские говоры и прилегающие к городам говоры сельских местностей. Формирование этой диалектной единицы связано с караханидским движением XI в.²⁵

К говорам, исторически восходящим к карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности, относятся: наманганский, ташкентский, андижанский и другие говоры крупных населенных пунктов в различных районах Узбекистана. Генетическое языковое родство между говорами прослеживается и в фонетике, и в отдельных грамматических формах, и в лексике. По наличию ряда типично уйгурских языковых черт, в частности, по наличию «умлаута», выделяется наманганский говор, особенно некоторые кишлачные говоры Наманганской области²⁶. Несомненно, что территория говоров, характеризующихся сейчас наличием «умлаута», в прошлом была гораздо шире.

Необъясним генезис андижанского говора, если не признать в качестве языковой подпочвы ту же тюркскую речь, которая лежит в основе говоров Наманганской области. Происхождение отдельных фонетических явлений и морфологических форм ташкентского говора объяснить нельзя, если не признать его генетически примыкающим к указанным говорам, поскольку независимо возникших общих языковых явлений на одной территории и в составе одного языкового коллектива быть не могло и не может.

Говоры данной группы (ташкентский, наманганский, андижанский, ферганский и говоры ряда других населенных пунктов) составляют еди-

²⁵ См. В. В. Решетов. О диалектной основе узбекского литературного языка. — «Вопросы языкознания», № 1, 1955, стр. 100—108.

²⁶ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, стр. 9, 21; А. К. Боровков. К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризованных» говоров. — Сб. «Белек» С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, стр. 29, 30; В. В. Решетов. О наманганском говоре узбекского языка. — «Сборник академику В. А. Гордлевскому». М., 1953, стр. 218; А. Ю. Алиев. Узбек тили уйчи шева-сининг фонетик хусусиятлари. — «Ученые записки Наманганского педагогического института», вып. III. Наманган, 1957, стр. 131—166.

ный диалектный комплекс. Об этом говорит ряд признаков специфического значения. Вот некоторые из них:

1) чередование *ч/ш*: ташк., марг., анд., наманг. *тъш/чъш* 'зуб'; ташк. *ч(ъ)шлэ/уйг.* (кашг.) *ч(ъ)шлэ* 'зубы'; ташк. *туштэ > чүштэ / уйг.* *чүштэ* 'он сошел';

2) сохранение в основах и аффиксах конечных *қ—к/ғ—г*, ср., напр.: уйг. *тэръғ/тэръқ* 'просо', *сэръғ* 'желтый', *уруғ* 'род', 'семена', *ачъқ* 'открытый'; ташк. *қаттъғ* 'твердый', *таррғ* 'ребенка', *ортғ* 'товарищ', *қъшилқкъқ ~ қъшилқғғ* > *қъшилэ : лғғ* 'сельский'; наманг. *йоқ/йоғ* 'нет', *терғ* 'живой', *бөлэқ* 'другой', 'иной', *бър күллүг* 'однодневный', *бэлғ* 'рыба'. В местоимениях: уйг., ташк., *қандағ/қандақ* 'как', 'какой', *андағ/андақ, шундағ/шундақ, бундақ/бундағ* 'так', 'такой'.

· Сохранение исходного *ғ* находим в памятниках древнетюркской письменности — в орхонских надписях, в «Кутадғу билик», в «Диване» Махмуда Кашгарского. По поводу оглушения *ғ* в данной позиции и перехода его в *қ* высказывалось предположение, что эта фонетическая черта, т. е. *ғ > қ*, могла принадлежать одному из старых диалектов, возможно, что она являлась характерным фонетическим признаком карлукского диалекта;

3) чередование *қ/х* в различных позициях: уйг., ташк., наманг. *тоқта/тохта* 'стой', *тоқсан/тохсан* 'девятью', *бақтук/бахтук* 'мы смотрели';

4) чередование *л/н*: уйг. *көйнэк/көннэк/көллэк/көнглэк/ташк.* *койнэк/койлэк* 'рубаха';

5) полная прогрессивная ассимиляция: например, в винительном падеже существительных — ташк. *тузэ < тузнэ* 'соль', *эшиэ < эшнэ* 'плов', *темъррэ < темърнэ* 'железо'; наманг. *қушиэ < қушнэ* 'птицу', *гәппэ < гәпнэ* 'разговор', *тәшиэ < тәшнэ* 'камень';

6) существенной отличительной фонетической чертой уйгурского языка является так называемый «умлаут», состоящий в том, что гласные нижнего подъема *а/э* первых слогов под влиянием узкого гласного верхнего подъема *ъ* второго слога переходят в звук *е*. Ср., напр., *ат* 'лошадь', *етъ* 'его лошадь'. Эта специфическая особенность уйгурского языка прослеживается в говорах Наманганской области, но отсутствует в ташкентском и маргеланском говорах;

7) наманганский говор (как и уйгурский язык) характеризуется падением звуков и наличием стяженных форм, что наблюдается и в ташкентском, но выражено менее резко. Ср., напр.: ташк., наманг. *эдәмлэ* 'люди', *келдәлэ* 'они пришли', *бәзэ > бэз* 'мы', *сәлэ > слэ* 'вы'; ташк. *бэрувдәм > бэру : дәм < бэрәп едәм*; наманг. *бэру : дәм* 'я ходил';

8) все эти говоры — ташкентский, наманганский, андижанский, маргеланский, кокандский — в системе именного словоизменения имеют один притяжательно-винительный падеж с аффиксом *-нэ* (и фонетическими его вариантами), совмещающий в себе функции и притяжа-

тельного и винительного падежей²⁷. По наличию фонетических вариантов аффикса притяжательно-винительного падежа говоры могут быть разделены на две подгруппы:

А. Говоры, допускающие полную прогрессивную ассимиляцию начального согласного аффикса *-нъ* исходному согласному основы (кроме, разумеется, основ, оканчивающихся на гласный, при которых сохраняется аффикс *-нъ*). Сюда относятся ташкентский и наманганский с тяготеющими к ним сельскими говорами. Например: ташк. *тузъ* < *тузнъ* 'соль', *тэмъ* < *тэмнъ* 'крышу', *гэпъ* < *гэпнъ* 'разговор'; наманг. *этъ* < *этнъ* 'лошадь', *тэлъ* < *тэлнъ* 'тальник'. Ср., вин. п.: ташк., наманг., *этъ* *эстъ* 'продал лошадь'; притяжат. п.: *этъ* *бэши* 'голова лошади'.

Б. Говоры, характеризующиеся наличием чередования *-н/-д/-т* в аффиксе притяжательно-винительного падежа, зависящего от исходного согласного основы. К ним относится андижано-маргелано-кокандская подгруппа, примыкающая по данному признаку (чередованию аффиксальных *-н/-д/-т*) к кыпчакским говорам узбекского языка. Ср., например, анд., марг., кок. *этэснъ кордъ* 'видел его отца', *эштъ мээсъ* 'вкус плова', *тэлдъ кестъ* 'срезал тальник';

9) рассматриваемая нами группа говоров имеет два морфологических показателя в форме настоящего времени данного момента:

а) формант *-вт* и фонетические его варианты: *-вт*, *-ут*, *-ват* — аффикс ташкентской формы и говоров некоторых окрестных селений, напр. в Паркенте и др. Ср. *-вт* — в тагабском говоре; *-вт* — уйчинский вариант, *-ут* — наманганский.

Ташкентская парадигма

Единственное число

- 1-е л. *бэрэвтман* > *бэрэмман* 'я (в данный момент) иду'
 2-е л. *бэрэвтсэн* > *бэрэссэн*
 3-е л. *бэрэвттъ*

Множественное число

- 1-е л. *бэрэвтмъа* > *бэрэммъа* 'мы (в данный момент) идем'
 2-е л. *бэрэвтсъа* > *бэрэссъа*
 3-е л. *бэрэвттъла*

Наманганская парадигма

Единственное число

- 1-е л. *қълуттъман* 'я (в данный момент) делаю'
 2-е л. *қълуттъсэн* > *қълуссэн*
 3-е л. *қълуттъ*

Множественное число

- 1-е л. *қълуттъмъа* 'мы (в данный момент) делаем'
 2-е л. *қълуттъсъа* > *қълуссъла*
 3-е л. *қълъшуттъ*.

²⁷ См. В. В. Решетов. Об одном узбекском падеже.

Уйгурская парадигма

Единственное число

- 1-е л. *қъльватъмэн* 'я (в данный момент) делаю'
 2-е л. *қъльватъсэн*
 3-е л. *қъльватъду*

Множественное число

- 1-е л. *қъльватъмъз* 'мы (в данный момент) делаем'
 2-е л. *қъльватъсъз*
 3-е л. *қъльватъду*

Генетическая общность этих форм совершенно очевидна²⁸. Ташкентская и наманганская формы представляют собою дальнейшее фонетическое развитие формы *қъльватъмэн*. Убеждают нас в этом промежуточные варианты, существующие в различных говорах Ташкентской и Наманганской областей. Например, в паркентском говоре Ташкентской области находим *қълвэттъм* и *қълвэттъмэн*, выступающие на равных правах и с единой семантикой²⁹.

Наманганский формант *-ут* восходит к аффиксу *-ват*, видоизменившемуся в силу действующих в данном говоре фонетических законов. Процесс эволюции шел в направлении: *-ват* > *вот* > *-от* > *-ут*, подтверждением чему служит наманганский промежуточный фонетический вариант *қълоттъ*, сосуществующий параллельно с формой *қълуттъ* как ее фонетическая разновидность.

Развитие аффикса *-ват* проходило не только по формуле *-ват* > *-вот* > *-от* > *-ут*, как в наманганском говоре, или по линии *-ват* > *-вот* > *-вт*, как в Ташкенте и в территориально смежных с ним кишлаках, но и в виде *-ват* > *-вт*, что отмечено в уйчинском говоре Наманганской области и объяснимо действием умлаута, прослеживаемого, как было сказано, в наманганских, а частично и в прочих говорах данного диалектного комплекса узбекского языка;

б) формант *-йэп* свойствен всем прочим городским говорам Ферганской долины — андижанскому, маргеланскому, кокандскому и др.

Единственное число

- 1-е л. *қъльйэпмэн* > *қъльйэппэн* 'я (в данный момент) делаю'
 2-е л. *қъльйэпсэн*
 3-е л. *қъльйэптъ*

Множественное число

- 1-е л. *қъльйэпмъз* > *қъльйэппъз* 'мы (в данный момент) делаем'
 2-е л. *қъльйэпсъз*
 3-е л. *қъльйэптъ*

К ферганской парадигме (кроме, разумеется, наманганского говора) примыкает и самаркандская форма с аффиксом *-эл*, восходящим к форманту *-йап*.

²⁸ См. В. В. Решетов. О категории настоящего времени в узбекском языке.

²⁹ Ш. А. Афзалов. Паркентский говор. Канд. дисс. Ташкент, 1953.

Единственное число

- 1-е л. *қълэлман* 'я (в данный момент) делаю'
 2-е л. *қълэлсан*
 3-е л. *қълэлту*

Множественное число

- 1-е л. *қълэлмъа* 'мы (в данный момент) делаем'
 2-е л. *қълэлсъя*
 3-е л. *қълэлту*.

Фонема *э* в самаркандском аффиксе *-эл* отличается значительной устойчивостью. Между тем, аффиксальный гласный *а* в ташкентском аффиксе *-ват* и *а* в ферганском *-йэл* обладают широким диапазоном по отдельным говорам: гласный *а* в аффиксе *-ват* может стать почти передним (ср. уйчинск. *-ват*), а передний гласный *э* в ферганском *-йэл* значительно колеблется между типами *э* и *а*, особенно в изначальной форме: *келэ йатър* — *келэ йэтър* — *келэ йэтьр* 'он (в данный момент) идет'. То же наблюдаем и в кыпчакских говорах: *келэ джатыр* — *келэ джэтыр* — *келэ джэтыр* (*/келэ йатыр* — *келэ йэтыр* — *келэ йэтыр*).

Устойчивость самаркандской фонемы *э* в аффиксе *-эл* объяснима наличием таджикского языкового элемента, который преобладал и продолжает быть доминирующим в составе говора. Иной оказывается мотивировка $\text{э} < \text{а} > \text{э}$ в прочих говорах узбекского языка.

Перечень особенностей городских говоров узбекского языка можно продолжить и дать дифференцированную характеристику диалектных особенностей каждого говора в отдельности, так как каждый из них, несмотря на наличие генетически общих черт, имеет и свои узкодиалектные показатели, изучение которых позволяет проследить историю образования и развития того или иного говора. Исторический аспект изучения помогает вскрыть историю существования отдельных ныне продуктивных узкодиалектных форм.

Укажем на ташкентскую форму первого лица прошедшего определенного времени *-дъмъз* (*-думуз*) вместо лит.-орф. *-дик*, зарегистрированную рядом письменных памятников. Ташк. *элдъмъз*/лит.-орф. *олдик* 'мы взяли', *бердъмъз*/*бердик* 'мы дали', *ъчтъмъз*/*ичдик* 'мы выпили' (ср. ташк. варианты: *келду:*, *элду:*, *ъчту:* — с долгим гласным вторичной формации в исходе формы, или: *келдузэ*, *элдузэ*, *бърдузэ*, *ъчтузэ*). В этимологическом отношении ташк. форма на *-дъмъз* является более древней, чем форма на *-дък* современного литературного узбекского языка. Встречаем ее в «Памятнике в честь Кюль-Тегина»: *сӧзләшдӧмӧз* 'мы говорили', *биртӧмӧз* 'мы дали', *итдӧмӧз* 'мы делали', *қонтуртӧмӧз* 'мы поселили', в «Диване» Махмуда Кашгарского, у Ибн-Муханны, в «Шейбани-намэ» Мухаммад Салиха. Истоки этой формы следует, несомненно, искать в караханидской языковой традиции.

Представляя графически диалектный состав узбекского языка и его языковые связи с соседними родственными и неродственными языками, получим следующую схему, разумеется самого общего характера:

	Таджикский язык	Уйгурский язык	
	1. Карлуко-чигиле-уйгурский диалект		
Казахский и каракалпакский языки	2. Кыпчакский диалект	3. Огузский диалект	Туркменский язык

Таким образом, указанные в схеме три диалекта (1, 2 и 3) представляют собой узбекский язык как таковой, сложившийся в результате объединения трех тюркских компонентов:

1) карлуко-чигиле-уйгурского, являющегося ближайше родственным современному уйгурскому языку и имеющего тесные этно-лингвистические связи с таджикским языком;

2) кыпчакского, ближайше родственного казахскому и каракалпакскому языкам, и

3) огузского, ближайше родственного туркменскому языку.

* * *

Вопрос о диалектной основе литературного узбекского языка особенно бурно обсуждался после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В решении его проявлялись порой и крайне реакционные тенденции. Консервативно настроенные представители мелкобуржуазной интеллигенции в основу литературного узбекского языка стремились положить язык письменных памятников XIV—XV вв., надеясь таким образом доказать, что язык этих памятников является якобы общим литературным языком всех тюркоязычных народов Туркестанского края. Отдельные «реформаторы» предлагали в качестве основы кыпчакские (джекающие) говоры на том основании, что эти говоры наиболее многочисленны. Они настаивали на утверждении языковой автономии для представителей кыпчакского наречия узбекского языка.

С другой стороны, считали возможным допустить параллельное существование письменных языков на основе всех узбекских диалектов с тем, чтобы один из них в дальнейшем, при наличии успешного развития, мог превратиться в конце концов в общенациональный узбекский язык.

В угоду сторонникам сингармонизма узбекский литературный язык продолжительное время существовал на сингармонистической основе (с девятифонемным составом вокализма), это исключало участие в формировании узбекского литературного языка городских говоров, в которых насчитывается всего лишь шесть-семь гласных фонем. Игнорировалось

именно то исторически сложившееся ведущее языковое звено, которое оказалось определяющим в наши дни. Однако направить по ложному пути развитие узбекского литературного языка не удалось. Диалектной основой его является ташкентско-ферганская группа городских говоров, генетически восходящая к языковой общности караханидского периода, которая по линии языковой преемственности находится в генетическом родстве с уйгурским языком, составляющим вместе с ней одну линию развития (в этом убеждают нас и лингвистические данные и новейшие исследования антропологов), а в историческом плане — представляет собой карлуко-чигиле-уйгурскую языковую общность, впитавшую в себя часть огузских и кыпчакских элементов. Причем, орфоэпические нормы литературного узбекского языка в основном соответствуют произносительным особенностям ташкентского говора, тогда как морфология в преобладающей своей части является ферганской.

Что же касается самаркандско-бухарско-ходжентской группы говоров, то они представляют интерес лишь в смысле изучения процессов взаимодействия двух принципиально отличных языковых систем. Ни в историческом плане, ни в плане определения диалектной основы современного узбекского литературного языка они не имеют существенного значения. Даже беглого сравнения произносительных норм и морфологических форм, например, самаркандского говора с орфоэпическими нормами и с системой морфологических форм литературного узбекского языка достаточно, чтобы убедиться в правильности этого вывода.

Проникли в литературный язык также отдельные грамматические формы из других узбекских говоров. Так, например, форма с аффиксом *-джак* (огузская — хорезмская), форма с аффиксом *-ётир/-джатыр* (кыпчакская). Эти формы декретированы в 1928 г.

Такова общая характеристика исторического процесса формирования узбекского национального языка на фоне этногенеза узбекского народа.

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
100	15 сн.	уеп	еуеп
123	18 сн.	XIII вв.	XIV вв.
185	9 сн.	Буоматен	Буонматтен
191	13 сн.	XVI в.,	XIV в.,
200	11 сн.	persenza	presenza
206	21 сн.	lirere	livre
211	1 сн.	1949.	1549.
212	16 сн.	'льстец' 30	amadouer 'льстец' 30
212	6 сн.	dictes,	doctes,

Вопросы формирования и развития национальных языков, т. X.